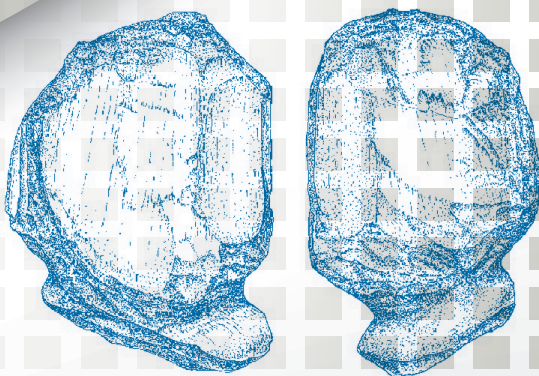

ДРЕВНЕЙШИЙ ПАЛЕОЛИТ КОСТЕНОК: ХРОНОЛОГИЯ, СТРАТИГРАФИЯ, КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ

(к 140-летию археологических исследований
в Костенковско-Борщевском районе)

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «КОСТЕНКИ»

**ДРЕВНЕЙШИЙ ПАЛЕОЛИТ КОСТЕНОК:
ХРОНОЛОГИЯ, СТРАТИГРАФИЯ,
КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ
(к 140-летию
археологических исследований
в Костенковско-Борщевском районе)**

*Материалы
межрегиональной научно-практической конференции
(Воронежская область, с. Костенки,
20–22 августа 2019 г.)*

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2019

УДК 902/903
ББК 63.41(2)
Д73

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Редакционная коллегия:

А. А. Бессуднов (отв. редактор), С. А. Васильев, А. Е. Дудин,
В. И. Дынин (отв. секретарь), В. Н. Ковалевский, И. В. Котлярова,
С. Н. Лисицын, А. А. Сеницын

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор А. З. Винников
(Воронежский государственный университет);
кандидат исторических наук, доцент М. В. Цыбин
(Воронежский государственный университет)

Д73

Древнейший палеолит Костенок : хронология, стратиграфия, культурное разнообразие (к 140-летию археологических исследований в Костенковско-Борщевском районе) : материалы межрегиональной научно-практической конференции (Воронежская область, с. Костенки, 20–22 августа 2019 г.) / отв. ред. А. А. Бессуднов ; Институт истории материальной культуры РАН ; Государственный археологический музей-заповедник «Костенки». – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2019. – 112 с.

ISBN 978-5-9273-2863-5

DOI: doi.org/10.31600/978-5-9273-2863-5

Сборник тезисов межрегиональной научно-практической конференции «Древнейший палеолит Костенок : хронология, стратиграфия, культурное разнообразие (к 140-летию археологических исследований в Костенковско-Борщевском районе)» (Воронежская область, с. Костенки, 20–22 августа 2019 г.). Для археологов, ученых других специальностей, а также всех интересующихся археологией.

Материалы публикуются в соответствии с файлами-оригиналами, представленными авторами.

УДК 902/903

ББК 63.41(2)

*На обложке – голова антропоморфной статуэтки
из культурного слоя IVб Костенок 14, рисунок А. А. Сеницына*

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019
© Государственный археологический музей-заповедник
«Костенки», 2019
ISBN 978-5-9273-2863-5 © Оформление, оригинал-макет. Издательский дом ВГУ,
2019

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Васильев С. А.</i> (Санкт-Петербург). Археология палеолита в Петербурге: прошлое и настоящее.....	5
<i>Котлярова И. В.</i> (Воронеж). Музей-заповедник «Костенки» и ИИМК РАН: история взаимоотношений.....	8
<i>Захарова Е. Ю.</i> (Воронеж). О роли воронежских ученых и краеведов в изучении Костенковско-Борщевского археологического района.....	13
<i>Зражевская Т. Д.</i> (Воронеж). Правовые механизмы реализации конституционной обязанности заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры (археологический аспект).....	19
<i>Кулаков С. А.</i> (Санкт-Петербург). Костенки в палеолите.....	24
<i>Синицын А. А.</i> (Санкт-Петербург), <i>Бессуднов А. А.</i> (Санкт-Петербург), <i>Лада А. Р.</i> (Санкт-Петербург). Проблема структуры раннего верхнего палеолита в костенковском и общеевропейском контексте.....	31
<i>Дудин А. Е.</i> (Воронеж). Культурные слои и горизонты в западной части стоянки Костенки 11 (Аносовка 2): стратиграфия, характер распространения, культурный облик ...	36
<i>Степанова К. Н.</i> (Санкт-Петербург), <i>Малютина А. А.</i> (Санкт-Петербург), <i>Бессуднов А. А.</i> (Санкт-Петербург). Подвески из органических и минеральных материалов в коллекции II слоя Костенок 17	40
<i>Толстых Д. С.</i> (Воронеж), <i>Родионов А. М.</i> (Воронеж). Некоторые предметы костяной индустрии со стоянки Костенки 12	49
<i>Лисицын С. Н.</i> (Санкт-Петербург). Граветт и эпиграветт в археологической летописи Костенок на текущем этапе исследований.....	55

Желтова М. Н. (Санкт-Петербург). Фаунистические коллекции костенковских палеолитических стоянок как источник информации	66
Бессуднов А. Н. (Липецк). Поздняя пора верхнего палеолита Дивногорья и Костенок: общее и особенное.....	76
Панин А. В. (Москва), Сеницын А. А. (Санкт-Петербург), Бессуднов А. А. (Санкт-Петербург). Время и продолжительность периодов эрозии по разрезам палеолитических стоянок костенковской группы	79
Седов С. Н. (Мехико, Тюмень), Сеницын А. А. (Санкт-Петербург). Древние погребенные почвы разреза Костенок 14: педогенетические особенности, стратиграфия и палеоэкологическая интерпретация	82
Константинов Е. А. (Москва), Пономарева В. В. (Петропавловск-Камчатский), Карпухина Н. В. (Москва), Мазнева Е. А. (Москва), Портнягин М. В. (Киль), Зеленин Е. А. (Москва), Новикова А. В. (Москва). Тефра и криптотефра на Восточно-Европейской равнине – новые перспективы в геохронологии	85
Губар Ю. С. (Новосибирск), Сеницын А. А. (Санкт-Петербург), Урюпов С. О. (Санкт-Петербург), Лбова Л. В. (Новосибирск). Физико-химический анализ пигментов стоянки Костенки 14	90
Прилепская Н. Е. (Москва), Бузова Н. Д. (Санкт-Петербург), Сеницын А. А. (Санкт-Петербург). Сезонность функционирования памятника Костенки 14 (Маркина гора), слой IVa (по данным естественно-научных методов).....	93
Васильев С. В. (Москва), Боруцкая С. Б. (Москва), Герасимова М. М. (Москва), Бессуднов А. А. (Санкт-Петербург), Артюшенко А. А. (Санкт-Петербург). Особенности строения скелета ребенка из погребения на стоянке Костенки 18.....	97
Зейналов А. А. (Баку). Мустьерские памятники левобережья Куры (Азербайджан, Джейранчельская степь)	103
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	107
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	109

М. Н. Желтова

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург*

ФАУНИСТИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ КОСТЕНКОВСКИХ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ*

DOI: doi.org/10.31600/978-5-9273-2863-5-2019-66-75

Что означает находка фаунистических остатков на палеолитической стоянке? При всей кажущейся очевидности ответа на этот вопрос, он далеко не так однозначен. Первое, а часто и единственное, что приходит в голову – это кухонные отбросы, остатки трапез древнего населения. Следовательно, эти костные остатки принадлежат в основном промысловым видам животных. Понятно, что при сильном голоде, который относительно регулярно преследовал людей на протяжении всей истории человечества, съесть можно было кого угодно. Однако нам хоть и встречаются археологические свидетельства таких катастрофических ситуаций, но нечасто.

Изучение состава фаунистических коллекций палеолитических стоянок часто приводит к весьма неожиданным выводам. К примеру, интересную картину демонстрирует нам сравнение фаунистических коллекций костенковских стоянок. Здесь мы видим существенное видовое разнообразие, причем совершенно ясно, что некоторые животные определенно не были объектами гастрономических вожделений древних охотников. В пищевом отношении россомаха не может конкурировать, к примеру, с лошадью – добыть ее очень трудно, а съесть... бывает еда и получше. То есть, раз уж попалась, можно и съесть, но добывать ее для еды – идея сомнительная.

Итак, с прагматической точки зрения, кости животных принадлежали:

1. Тем, кого съели;

© Желтова М. Н., 2019

* Исследование выполнено в рамках темы государственной работы
№ 0184-2019-0001.

2. Тем, кого убили специально, чтобы из шкур сшить одежду, а из костей сделать орудия и украшения;

3. Тем, чьи кости использовали в качестве конструктивных элементов или для каких-то других целей – в этом случае кости далеко не всегда принадлежали жертвам охоты, а часто являлись трофеями собирателей;

4. Тем, кто не вписывается в 3 вышеперечисленные группы, но и не относится к грызунам, почившим в собственных норках на территории стоянки.

К первой группе, несомненно, относятся все копытные и некоторые мамонты (ювенильные особи – наверняка), птицы и рыбы, сурки и лемминги. Ко второй группе – песцы и лисы, возможно, и волки, причем зимние. К третьей – несомненно, мамонты; вероятно, шерстистые носороги. Четвертая группа представляется наиболее интересной и требует самого тщательного рассмотрения.

Впрочем, для начала стоит ознакомиться со списком видов, чьи кости были обнаружены на костенковских стоянках.

Общий список видов, представленных в палеолите Костенок:

1. Заяц (*Lepus* sp.)
2. Суслик (*Citellus* sp.)
3. Сурок (*Marmota* sp.)
4. Бобр (*Castor fiber* (Linnaeus, 1758))
5. Слепыш (*Spalax microphthalmus* (Güld., 1770))
6. Хомяк (*Cricetus cricetus* (Linnaeus, 1758))
7. Степная пеструшка (*Lagurus lagurus* (Pallas, 1773))
8. Желтая пеструшка (*Eolagurus luteus* (Eversmann, 1840))
9. Водяная крыса (*Arvicola amphibius* (Linnaeus, 1758))
10. Слепушонка (*Ellobius* sp.)
11. Полевка обыкновенная (*Microtus* sp.)
12. Полевка-экономка (*Microtus oeconomus* (Pallas, 1776))
13. Большой тушканчик (*Allactaga major* (Kerr, 1792))
14. Волк (*Canis lupus* (Linnaeus, 1758))
15. Псовые (*Canis* sp.)
16. Песец (*Alopex lagopus* (Linnaeus, 1758))
17. Корсак (*Vulpes corsac* (Linnaeus, 1758))

18. Лисица (*Vulpes vulpes* (Linnaeus, 1758))
19. Медведь (*Ursus* (Linnaeus, 1758))
20. Росомеха (*Gulogulo* (Linnaeus, 1758))
21. Пещерный лев (*Panthera spelaea* (Gold., 1810))
22. Мамонт (*Mammuthus primigenius* (Blumenbach, 1799))
23. Лошадь (*Equus latipes* (V.Gromova, 1949))
24. Плейстоценовый осел (*Equus hydruntinus* (Regalia, 1904))
25. Шерстистый носорог (*Coelodonta antiquitatis* (Blumenbach, 1799))
26. Кабан (*Sus scrofa* (Linnaeus, 1758))
27. Благородный олень (*Cervus elaphus* (Linnaeus, 1758))
28. Северный олень (*Rangifer tarandus* (Linnaeus, 1758))
29. Гигантский олень (*Megaloceros* (Blumenbach, 1799))
30. Лось (*Alces alces* (Linnaeus, 1758))
31. Косуля (*Capreolus capreolus* (Linnaeus, 1758))
32. Бизон (*Bison bison* (Linnaeus, 1758))
33. Бык (*Bos* sp.)
34. Сайга (*Saiga tatarica* (Linnaeus, 1766))
35. Птицы
36. Рыбы
37. Моллюски

Не будем в рамках этого обзора рассматривать те виды, плейстоценовый возраст представителей которых можно поставить под сомнение. В каждом отдельном случае следует пересмотреть положение этих костей в культурном слое стоянки, чтобы убедиться, не относятся ли они к более поздним временам. Таким образом, бобр, кабан, лось и косуля пока остаются вне нашего внимания.

Оставим в стороне и **грызунов**, которых, конечно, могли съесть (хомяков, сусликов), но с той же вероятностью они могли погибнуть в своих норках на территории стоянки после оставления ее обитателями (полевки, слепыши, слепушонки). Казалось бы, водяную крысу тоже можно отнести к этой группе, однако ее кости обнаружены на стоянках, где условия не характерны для ее естественного обитания – Костенки 1 (III) и 14 (II). Так что, скорее всего, это был охотничий трофей (вес взрослой особи достигает 330 г). Большой тушканчик мог быть

добычей, но мог и погибнуть в норе, так как в холодных условиях он часто занимает сусличьи норы. Строение собственных нор тушканчиков таково, что было бы трудно не заметить такую нору в культурном слое – они имеют большой горизонтальный ход и немаленькое гнездо на значительной глубине от дневной поверхности.

Сурок и, как ни странно, степная и желтая пеструшки, несомненно, являлись охотничьей добычей. Конечно, пеструшки очень мелкие – вес степной достигает 35 г, но количество особей говорит само за себя. В слое II Костенок 14–12 особей степной пеструшки (29 костей) и 2 желтой (8 костей), в слое II Костенок 8–15 особей степной пеструшки (32 кости). Вряд ли можно говорить о их случайной гибели на территории стоянок.

Все ли плейстоценовые животные были объектами охоты? Безусловно, большинство, но не все. Первые две группы животных и четвертая – несомненно. С третьей все сложнее. *Мамонтам* посвящено большое количество специальных исследований, причем часть ученых придерживается точки зрения, что на них вообще не охотились, а собирали их кости для своих целей. Этой позиции противоречат находки фрагментов наконечников в костях взрослых мамонтов – 2 в Костенках (Костенки 14 (между горизонтом в пепле и слое IVa) и Костенки 1 (I)), 2 – в Краков Спадзиста. Кроме того, кости ювенильных особей мамонтов, скорее всего, свидетельствуют в пользу охоты на них, поскольку сбор таких костей сам по себе бессмыслен и их положение в слое не несет специфической смысловой нагрузки – в виде конструктивных деталей, например.

Кости *шерстистого носорога* также далеко не всегда являются свидетельствами охоты на него. Учитывая все сложности, с которыми была связана такая охота, многие исследователи вообще отвергают ее возможность. Однако в некоторых случаях очень похоже, что все-таки охота была. Кости носорога были встречены на шестнадцати костенковских стоянках. На десяти из них найдены 1–2 кости, редко 3, в одном случае 4* (Костенки 12, II слой). Скорее всего, это кости где-то по-

* Количество костей из Костенок 2 требует уточнения

добранные и зачем-то принесенные на стоянку. Может быть, определение этих костей и уточнение их положения в слое может позволить приблизиться к пониманию, для чего именно. К примеру, в Костенках 4 найдены 2 кости носорога – по одной в северном и южном жилых комплексах, на соседних линиях квадратов (Рис. 1, 2). В восточной части северного жилого комплекса на одной линии квадратов с севера на юг через 2 м друг от друга залегали 3 фрагмента лучевой кости, в южном – в восточной секции длинного жилища была найдена метаподия. Возможно, эти кости принадлежали разным особям. На четырех стоянках найдено более десятка костей (13–18), также, возможно, собранных в окрестностях для каких-то целей. Исключение составляет слой I Костенок 12, где найдены 64 кости. На общем фоне такая концентрация костей выглядит совершенно неординарно. По всей видимости, здесь как раз речь идет об остатках охотничьей добычи.

Четвертая группа включает в себя животных, несомненно, убитых человеком, при этом цель этого убийства не слишком очевидна. Пещерные львы, медведи и росوماхи не являлись промысловыми с пищевой точки зрения и пушными как таковые. Конечно, их шкуры использовались и мясо съедалось, по всей вероятности, но это было, скорее всего, своего рода бонусом, а не самоцелью. Если можно убить оленя или лошадь для еды, нет смысла рисковать и гоняться за львом. Меха тоже не очень хороши по сравнению с песцовым или волчьим. Так что, скорее всего, убийство льва было вопросом престижа для охотников. Кости *пещерного льва* найдены на восьми костенковских стоянках, в количестве от 1 до 6, но и здесь есть исключение – в Костенках 4 было найдено 58 костей, 7 в южном комплексе (минимум одна особь) и 45 в северном (минимум 3 особи). Важно отметить, что все 4 особи представлены исключительно краниальными, карпальными и тарзальными костями (в основном костями свободных конечностей). По всей видимости, речь могла идти о шкурах льва, принесенных на стоянку. В двух случаях можно говорить о задней лапе льва – в западном круглом жилище северного комплекса залегали на одном квадрате бедренная и большая берцовая

кости, а в трех метрах – малая берцовая (Рис. 2). В длинном жилище, также на расстоянии трех метров друг от друга, залегали эпифиз бедренной кости и большая берцовая. Между западным и восточным жилищами была найдена передняя лапа льва – локтевая и лучевая кости. Два черепа найдены один на другом возле очага западного жилища северного комплекса, один (верхняя челюсть с зубами) – в длинном жилище (Рис. 2). В южном комплексе также была найдена верхняя челюсть с зубами (Рис. 1). Напрашивается вывод, что львиная шкура являлась необходимым статусным элементом убранства жилища. Примечательно, что ни в одном случае львиные зубы не были использованы для изготовления подвесок или как-либо обработаны.

Схожая картина наблюдается и с костями *волка*: в южном комплексе Костенок 4 найдено 58 костей (Рис. 1), в северном – 62 (Рис. 2), представленных, главным образом, краниальными (зубы, челюсти, фрагменты черепа), карпальными и тарзальными костями (в основном кости свободных конечностей). Кроме них в южном комплексе найдены головка ребра и крестец, в северном – 2 лопатки (одна в северо-западной части длинного жилища, вторая – у очага в восточном круглом жилище), тазовая в 2,5 м к югу от западного круглого жилища и 2 тазовые в длинном жилище, между круглыми, залегавшие вместе с восемью позвонками и тремя эпифизами позвонков (Рис. 2). Учитывая этот фактор, можно предположить, что волков хотя бы в некоторых случаях приносили на стоянку целиком, в отличие от львов. Наличие хвостовых позвонков указывает на использование их шкур в быту обитателей стоянки.

В значительном количестве костные остатки волка представлены в Костенках 1 (слой I: 9 особей/370 костей), Костенках 8 (слой I: 5 особей/256 костей), Костенках 8 (слой II: 8 особей/204 кости), в слоях II (5 особей/228 костей) и III (6 особей/332 кости) Костенок 11.

Любопытная ситуация складывается с костями *медведя*, определенного в основном как пещерный (для Костенок 2 – бурый). Кости медведя обнаружены всего на восьми стоянках

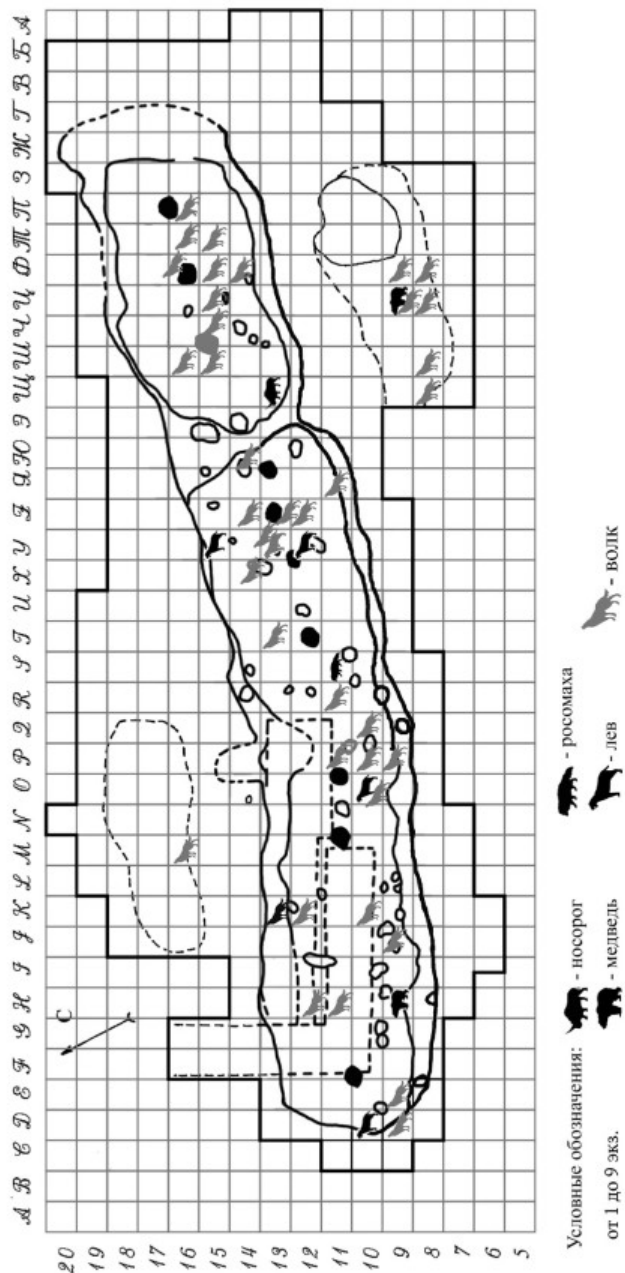

Рис. 1. Костенки 4. Южный комплекс. Пространственное распределение костей разных животных

(Костенки 1 (I), 2, 3, 4, 11 (Iб), 12 (I), 14 (IV)?, 21 (II)), причем всегда в очень малом количестве – не более 4 (для Костенок 2, 3 и 21 мы знаем лишь о наличии костей медведя, не о количестве). В Костенках 4 разбитый клык с фрагментом челюсти был найден возле очага в северном длинном жилище, в южном комплексе таранная кость залегала в западной секции жилища, а локтевая – в центре южного внешнего скопления культурных остатков (Рис. 1, 2).

Также мало костей *росомахи* в каждой из пяти стоянок, где они присутствуют (Костенки 1 (I: 4; III: 17), 4: 3, 11 (II: 3), 17 (II: 1)). Возможно, охота на росомеху, как и на льва, имела статусный или ритуальный характер. В южном комплексе Костенок 4 фаланга росомехи лежала в ямке в средней секции жилища вместе с метаподией сайги (Рис. 1). В северном комплексе часть нижней челюсти с зубами и верхний клык особо крупной особи были найдены в западном жилище неподалеку от очага (Рис. 2). Трудно понять, почему так мало костей медведя: представить себе, что кости медведей и росомех были подобраны и принесены на стоянку, крайне сложно.

Кости *лис* были найдены на четырех стоянках (Костенки 1 (I), 2, 11 (Iб), 13), причем в значительном количестве (28, минимум от трех особей) они представлены только в Костенках 1 (I). *Корсак* определен только в одном случае – это лопатка из северного комплекса Костенок 4. *Псовые* из Костенок 4 требуют более точного определения, что совсем не просто, поскольку они представлены фалангами. Это не позволяет строить предположения об их конкретной роли в качестве охотничьей добычи, но в целом, пожалуй, все представители семейства псовых должны быть отнесены ко второй группе. К ней же, несомненно, относится и *песец*, в немалых количествах добывавшийся на некоторых стоянках, по всей видимости, в зимний период.

С песцом и *зайцем* складывается весьма интересная ситуация, заслуживающая отдельного рассмотрения. Здесь же коротко можно отметить следующее: эти животные имели важное промысловое значение как пушные. К тому же зайцев, несомненно, съедали (в костенковских стоянках кости зайца

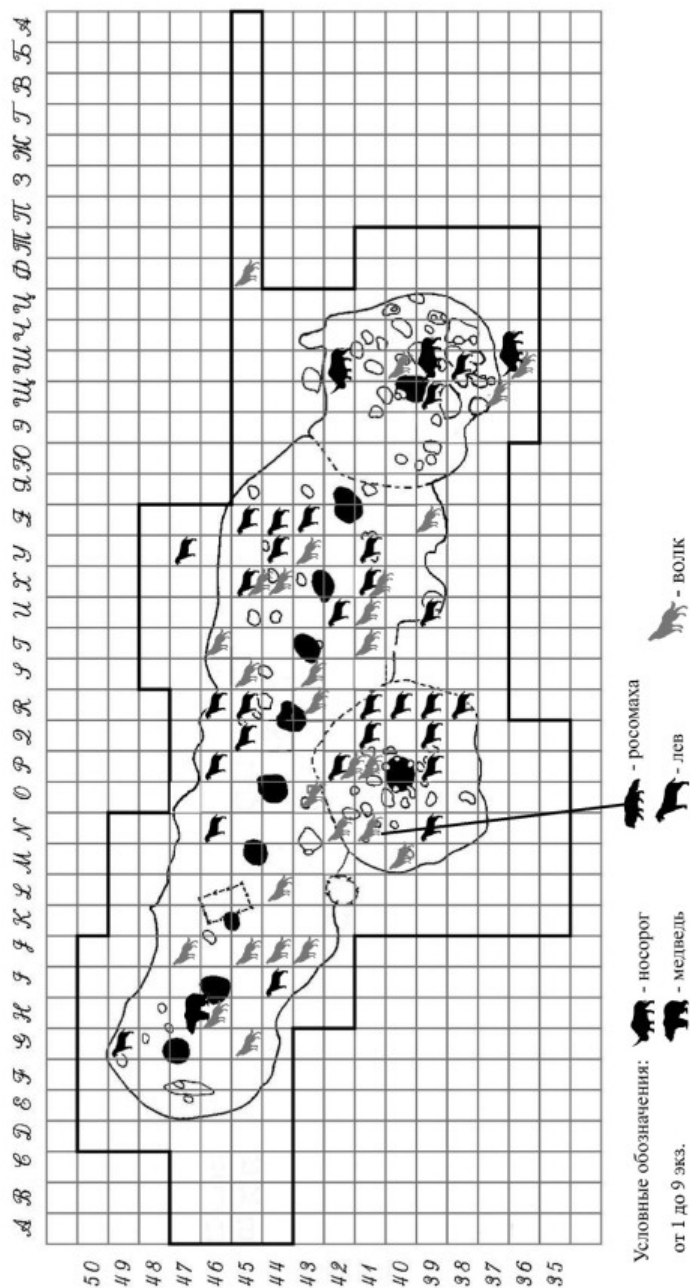

Рис. 2. Костенки 4. Северный комплекс. Пространственное распределение костей разных животных

всегда разрознены). Возможно, иногда такая участь постигала и песцов, но есть факты, указывающие на то, что с них просто сдирали шкурку, а тушки выбрасывали целиком (одна камера трехкамерной землянки в Костенках 1 была заполнена скелетами песца, залегавшими в анатомическом порядке). По количеству костей песцов и зайцев костенковские стоянки делились на «заячьи»; «песцовые»; стоянки, где много и зайцев, и песцов; стоянки, где их нет или мало. На «заячьих» стоянках кости зайца существенно преобладают в процентном соотношении над всеми остальными (Костенки 8 (II) – 41,24 %; Костенки 4 – 74,6 %; Костенки 14 (III) – 84,5 %), или просто составляют немалую долю – более 10 % (Костенки 8 (I), 14 (II, IV, IVb), 17 (I), 21 (III). «Песцовых стоянок» меньше (Костенки 1 (III: 66,27 %), 10, 13 (66,6 %), 14 (горизонт пепла: 80,11 %), 15 (с учетом 150 зубов-подвесок из погребения), 17 (II)). Примерно равную долю кости зайцев и песцов составляют на трех стоянках: Костенки 11 (II и Ib) и 16. Отражают ли эти соотношения сезонность обитания стоянок, или климатические колебания, или следует искать другое объяснение – этот вопрос требует дальнейших исследований.